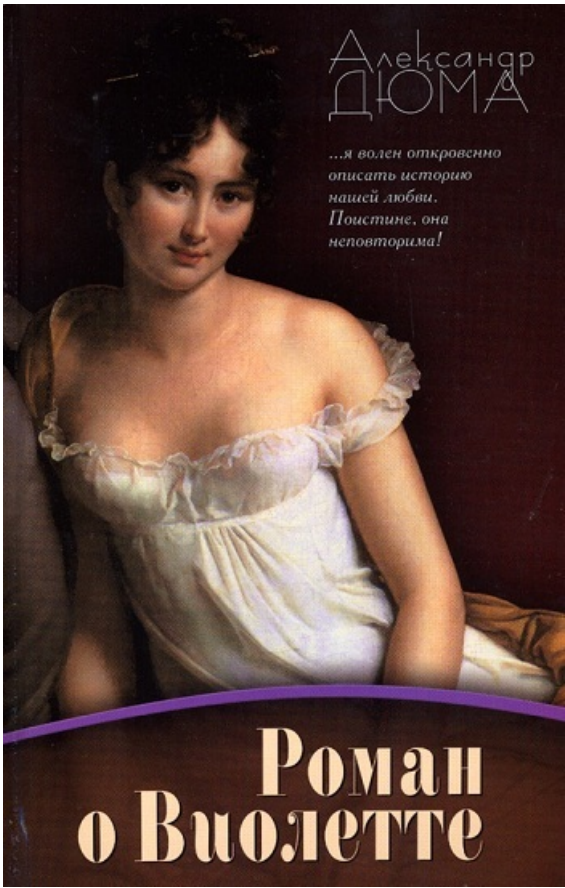

Александр
ДЮМА

*...я волен откровенно
описать историю
нашей любви.
Поистине, она
неповторима!*

Роман о Виолетте

Александр Дюма Роман о Виолетте

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126567

Аннотация

Античные статуи, как и все истинное, нередко бывают обнаженными, непристойными же – никогда.

Александр Дюма

Впервые прославленный эротический роман XIX века – «Роман о Виолетте» – был выпущен в 1870 году в Лиссабоне издателем Боа-Виста, с подзаголовком «Посмертное произведение Замаскированной знаменитости». Существуют различные версии авторства. По одним источникам, автор – Теофиль Готье, по другим – некая дама, выступающая под именем Манури д'Экто. Роман не подписан Александром Дюма, однако стиль Дюма-отца проглядывается в каждой странице этого автобиографического повествования. Прообразом Виолетты считается Генриетта Шевалье, вошедшая в жизнь писателя в 1838 году и родившая ему двух детей, но рано ушедшая из жизни. Воспоминанию о ней и своей молодости и был посвящен шестидесятилетним Дюма «Роман о Виолетте», который наряду с другими произведениями включен в его Полное собрание сочинений (51-й т.).

В «Каталоге подпольных изданий 1923 года» произведение это классифицируется как «литературная находка и верное средство от фригидности». В неизменно пристойном стиле разворачиваются смелые любовные картины, нагнетание сладострастного накала происходит от главы к главе. Скрупулезность описания сапфических сцен ничуть не снижает их идеализированной грациозности.

Этот литературный шедевр, осужденный в 1957 году за оскорбление нравственности, в наши дни занимает достойное место в библиотеке искушенных любителей литературы.

Содержание

Предисловие от переводчика	4
ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА	6
ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	12
ГЛАВА III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Дюма Роман о Виолетте

Предисловие от переводчика

На суд читателя выносится прославленный эротический роман XIX века. В «Каталоге подпольных изданий 1923 года» произведение это классифицируется как «литературная находка и верное средство от фригидности». В неизменно пристойном стиле разворачиваются смелые любовные картины, нагнетание сладострастного накала происходит от главы к главе. Скрупулезность описания сапфических сцен ничуть не снижает их идеализированной грациозности. Этот литературный шедевр, осужденный в 1957 году за оскорбление нравственности, в наши дни занимает достойное место в библиотеке искушенных любителей наслаждения и сильного, и слабого пола.

«Роман о Виолетте» выпущен в 1870 году в Лиссабоне издателем Боа-Виста, с подзаголовком «Посмертное произведение Замаскированной знаменитости». Существуют различные версии авторства. По одним источникам, автор – Теофиль Готье, по другим – некая дама, выступающая под именем Манури д’Экто. Роман не подписан Александром Дюма, однако, его стиль проглядывается в каждой странице этого автобиографического повествования.

Достаточно сопоставить некоторые факты интимной и творческой жизни писателя. Прообраз Виолетты – Генриетта Шевалье, вошедшая в жизнь писателя в 1838 году. Генриетта стала лореткой, то есть, по определению самого Дюма, «очаровательным созданием, кокетливым, элегантным, не относящимся ни к одному из общепризнанных женских типов: не уличная девка, не гризетка, не куртизанка. Ничего общего с мещанкой. Тем более с честной женщиной». Виолетта-Генриетта родила двоих детишек, предположительно от Александра Дюма. Впоследствии она стала актрисой, дебют ее состоялся в октябре 1842 года в театре Одеон. Скончалась она в возрасте двадцати пяти лет. Отец Генриетты повесился, не в силах перенести ее смерти.

Шестидесятилетний писатель вспоминает о событиях далекой молодости. «Роман о Виолетте» – как это ни парадоксально – можно назвать книгой педагогической, ибо она раскрывает науку наслаждения женским телом. Это своеобразный учебник по чувственности, который можно было бы использовать для сексуального воспитания и просвещения. Дюма писал не для публикации, а скорее, для своей возлюбленной – молодой начинающей актрисы. Спустя много лет, в годы нужды, она, вероятно, продала его для нелегальной публикации.

Писатель нередко предлагал подружкам свои рукописи: «Возьми это, глупышка, и сохрани. Не хочешь – не читай. Только помни – за все, что исходит от папаши Дюма, всегда дадут хорошую цену». Возможны любые предположения. В начале 60-х годов в судьбе Дюма появилась новая Галатея. И художественное описание прошлой страсти предназначалось теперь для оживления страсти сегодняшней.

В 1882 году текст романа оказался у брюссельского издателя Бранкара, его принесла некая сорокалетняя дама с аристократической фамилией. Не та ли это бывшая актриса, решившая в тяжелые времена заработать деньги на продаже рукописи, некогда подаренной ей стареющим писателем?

Особое пристрастие Дюма к сапфическим сценам получило воплощение во многих его произведениях. Во французской литературе XIX века подобный аморализм, возвышенно-спокойный, без тени комплекса вины, характерен исключительно для творчества Александра Дюма-отца. Это не простая вольность, а полная свобода самовыражения, непри-

емлемая для произведения опубликованного, однако вполне позволительная для текста частного. Автор не стесняется говорить ни о собственной мужественности, ни о женственности своих возлюбленных.

Итак, читателю романа предоставляется возможность убедиться в справедливости знаменитого высказывания Дюма: «античные статуи, как и все истинное, нередко бывают обнаженными, непристойными же – никогда».

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Порой мне кажется, что я провел на земле не одну тысячу лет и что бесплотный мой дух, вобрав в себя целую череду человеческих судеб, переселился на Марс, где пребывает и поныне.

– Обрел ли он счастье, покинув нашу юдоль слез? – спросят себя те, кто остался скорбеть на Земле.

– Вовсе нет, поверьте! Хотя пребывать на планете, где я теперь нахожусь, неоспоримо лучше, ничто меня здесь не радует.

Со мной случаются приступы хандры, я оглядываюсь назад; именно в одну из таких печальных минут я взялся за перо, пытаюсь запечатлеть на бумаге лучшие воспоминания былых лет.

Должен признаться моим будущим читателям, что в своих земных воплощениях я был великим грешником. Вот почему лучшее для меня утешение – созерцать среди встающих в моем воображении теней силуэты женщин.

Та, что пробуждает сегодня мои дремлющие чувства, проносящиеся лишь, увы, легким поэтическим облачком в воздухе, которым я сейчас дышу, носила на земле благозвучное имя Виолетта. Рядом с ней я познал радости рая, обещанные Магометом самым горячим своим почитателям; смерть ее была для меня горчайшей утратой.

Никому не ведомо, кого скрыл я под этим красивым псевдонимом.

А значит, я волен откровенно описать историю нашей любви! Поистине, она неповторима!

Все же с моей стороны было бы осмотрительно предварить эту книгу одним замечанием, прежде чем доверить любовному зефиру принести на стол отважного издателя повествование, не предназначенное для юных девиц.

Целомудренные читатели, боязливые читательницы, страшась назвать кота – котом, а Роле – мошенником, остановитесь вовремя: я писал не для вас.

Пусть лишь те, кто понимает, любит и использует сладчайшую науку, именуемую Наслаждением, следуют за мной.

ГЛАВА I

В пору моего знакомства с Виолеттой мне минуло тридцать лет.

Я жил на пятом этаже достаточно внушительного дома на улице Риволи. Наверху в бесчисленных комнатенках обитала прислуга и молоденькие мастерицы, работавшие у хозяйки магазина дамского белья (ее магазинчик до сих пор сохранился на нижнем этаже за колоннадой).

В то время у меня была любовная связь с весьма привлекательной и чрезвычайно аристократичной дамой. У нее была кожа того белоснежного цвета, который прославил Теофиль Готье в «Эмалях и Камеях», и волосы, подобные тем, что заплел Эсхил на голове Электры, сравнивая их с колосьями Арголиды. Однако вскоре она начала стремительно полнеть. Ранняя тучность крайне раздражала ее, и, не зная, на кого свалить вину за избыточный вес, она изводила всех окружающих своим несносным нравом. За этим последовал разлад наших отношений, мы стали реже видаться; предвидя новые ее причуды, я и не пытался расположить ближе друг к другу наши спальни: они находились в противоположных концах квартиры. Свою комнату я выбрал, пленившись видом на сад Тюильри. Я уже был одержим манией пачкать пальцы чернилами, а для сочинителя нет отдохновения сладостней и прекрасней, чем наблюдать из окна за тенистой громадой вековых деревьев сада.

Летом, при свете дня, под их сенью дикие голуби шумно оспаривают господство над верхними ветвями; с наступлением темноты вновь воцаряются покой и безмолвие.

В десять вечера быют отбой, запирают решетки, и наступает неповторимая ночная пора, медленно выплывает луна, серебра макушки деревьев своими бледными лучами.

Появление луны часто сопровождает легкий ветерок, и тогда трепещущие листья озаются светом, пробуждаются, оживают, излучая любовь и томясь по наслаждению.

Постепенно, одно за другим, гаснут окна, силуэт дворца становится неясным, чернея на фоне прозрачной небесной лазури.

Мало-помалу замирает городской гул, затихает громохание последнего фиакра или омнибуса, и твой слух упивается тишиной, нарушаемой лишь дыханием уснувшего исполнина.

Взор отдыхает при виде дворца и деревьев, позаимствовавших у мрака его неподвижную величественность. Там, у окна, я нередко часами предавался мечтам.

О чем я грезил?

Я и сам уже не помню; наверное, о том, о чем фантазируют в тридцать лет: о любви, о женщинах, которых уже встретил, а еще чаще – о тех, которых еще не встречал.

По правде сказать, самая привлекательная женщина – это та, какую ты еще не познал.

Есть люди, обиженные природой: солнце – душа нашего мира – забыло озарить их своим лучом; они все видят в сером цвете и в течение сумеречного своего существования исполняют как гражданский долг действо, которым Господь одарил излюбленное свое создание, назначив высшим счастьем необузданную вспышку чувств, до боли острый восторг сладострастия, способный умертвить и гиганта, продлись он целую минуту вместо пяти секунд.

Они не рожают детей, а размножаются, они – часть огромного человеческого муравейника, который строит дом по камушку, по кирпичику; они летом запасаются едой на зиму и на вопрос Всевышнего: «Что ты делал на Земле?» – отвечают: «Работал, пил, ел, спал».

Блажен тот, кто после бесполезных поисков смысла своего пребывания на этом свете ограничится оправданием перед гласом небесным: «Я любил!»

Во власти таких размышлений, уводящих в беспредельное пространство, где неразличимы небо и земля, я вздрогнул при звуке башенных часов соседней церкви, пробивших два часа ночи, и тут мне показалось, что кто-то постучал в мою дверь. Я подумал, что ошибся,

и прислушался: стук повторился. Тогда я решил взглянуть, кому вздумалось посетить меня в подобный час. В отворенную дверь проскользнула юная девушка, почти ребенок.

– Ах, сударь, спрячьте меня, прошу вас! – залепетала она.

Я приложил палец к губам, призывая ее хранить молчание, как можно осторожнее прикрыв дверь и, следуя за образовавшейся полоской света, обняв девушку за плечи, проводил ее к себе в спальню.

Там, при свете двух свечей, я стал приглядываться, что за птичку, вырвавшуюся из клетки, подбросила мне судьба.

Первое впечатление подтвердилось: это была очаровательная девочка лет пятнадцати, тоненькая и гибкая, как тростинка, но уже вполне сформировавшаяся.

Рука моя случайно скользнула по ее телу и, наткнувшись на живую округлость, явно ощутила грудь.

От одного этого прикосновения по жилам моим пробежала дрожь. Есть женщины, наделенные природой чарующим даром пробуждать чувственность, едва до них дотронешься.

– Мне так страшно! – прошептала она.

– Неужели?

– О да! Какое счастье, что вы еще не спите.

– И кто же вас так сильно напугал?

– Господин Берюше.

– Кто такой господин Берюше?

– Муж хозяйки мастерской, в которой я работаю там, внизу.

– И чем же вам досадил этот господин Берюше? Ну же, рассказывайте.

– Вы приютите меня на всю ночь, не так ли?

– Вы останетесь здесь настолько, насколько пожелаете. Я не имею обыкновения выставлять за дверь красивых девушек.

– О, я еще всего лишь маленькая девочка, а не красивая девушка.

– Как сказать!..

Взгляд мой, нырнув сквозь ее приоткрытую рубашку, еще раз убедился, что моя гостья вовсе не такая уж маленькая девочка, какой представляет себя.

– Завтра на рассвете я уйду, – сказала она.

– И куда вы направитесь?

– К сестре.

– Сестре? Где сейчас ваша сестра?

– На улице Шапталъ, дом четыре.

– Ваша сестра живет на улице Шапталъ?

– Да, на антресолях. У нее две комнаты, одну она предоставит мне.

– И что делает ваша сестра на улице Шапталъ?

– Работает на магазины. Ей покровительствует господин Эрнест.

– Она старше вас?

– На два года.

– Как ее зовут?

– Маргарита.

– А как зовут вас?

– Виолетта.

– Похоже, в вашей семье отдают предпочтение подобным именам.

– Это мама обожала цветы.

– Ваша мать умерла?

– Да, сударь.

– Какое имя она носила?

– Роза.

– Определенно, у вас дома было заведено давать такие имена! А что с вашим отцом?

– О, он в добром здравии!

– И чем он сейчас занимается?

– Он сторожит ворота в Лилле.

– Его имя?

– Руша.

– Заметьте, вот уже целый час я расспрашиваю вас, но так и не выяснил, отчего же вы испугались господина Берюше?

– Оттого, что он все время пытался меня поцеловать.

– Вот оно что!

– Он повсюду преследовал меня: я даже не осмеливалась в темноте заходить в комнату за лавкой, поскольку была уверена, что он там меня поджидает.

– А вам было неприятно, что он хотел вас поцеловать?

– Ужасно неприятно!

– И почему вам это так не нравилось?

– Потому, что я считаю его уродливым, и, к тому же, он, кажется, добивался чего-то большего, чем поцелуй.

– Чего же он еще добивался?

– Не знаю.

Пристально вглядываясь в нее, я старался определить, не смеется ли она надо мной. Безукоризненно целомудренное выражение лица свидетельствовало об ее искренности.

– Но, кроме попытки поцеловать вас, он предпринимал еще какие-то действия?

– Да.

– Какие же?

– Позавчера, когда я уже легла в постель, кто-то поднялся по лестнице и пытался открыть дверь моей комнаты. Думаю, что это был он.

– Он ничего не произнес?

– Тогда – нет, но днем он подошел ко мне со словами: «Не закрывай сегодня вечером свою дверь, малышка, как ты это сделала вчера ночью, мне нужно сказать тебе что-то важное».

– И вы все же заперли дверь?

– Еще бы! Тщательнее, чем когда-либо.

– И он явился?

– Пришел, стал поворачивать ручку двери во все стороны, тихо стучался, потом сильнее, приговаривая: «Это я, откройте же, это я, моя крошка Виолетта».

Как вы понимаете, я не отзывалась, а тряслась от страха в своей постели.

Чем настойчивее господин Берюше повторял, что это он, и называл меня своей крошкой Виолеттой, тем сильнее я натягивала на голову одеяло. Это длилось не менее получаса, потом он ушел, что-то сердито бормоча.

Сегодня весь день он на меня дулся, и я надеялась, что на этот вечер отделалась от него. Я уже, как вы видите, почти разделась, когда вспомнила, что нужно закрыть дверь на засов. И тут обнаруживаю, что моя задвижка похищена, у меня теперь нет замка, а значит, дверь больше не запирается. Тогда, не теряя ни секунды, я сбежала и постучалась к вам. О, это было внушение свыше!

И малютка обвила руками мою шею.

– Меня, значит, вы не боитесь? – спросил я.

– О, нет!

– И если бы мне захотелось вас поцеловать, вы бы не убежали?

– Посмотрите, как бы я поступила, – сказала она и прижала свой свежий влажный ротик к моим иссохшим губам.

Руки мои, словно повинуюсь чужой воле, обхватили ее головку, а губы на несколько мгновений задержались на ее губах, пока кончиком языка я поглаживал ее зубы. Она закрыла глаза и, запрокинув голову, произнесла:

– Как приятно целоваться!

– До сих пор вам это было незнакомо? – поинтересовался я.

– Нет, – ответила она и провела языком по своим разгоряченным губкам. – Так вот обычно и целуют?

– Тех, кого любят.

– Значит, вы меня любите?

– Пока нет, но весьма к этому склонен.

– И я тоже.

– Вот и прекрасно!

– А как поступают, когда любят друг друга?

– Целуются, как мы только что.

– И ничего больше?

– Ничего.

– Странно, а мне казалось, должны присутствовать еще какие-то желания, будто поцелуй, при всей его приятности, только начало любви.

– А что вы сейчас испытываете?

– Трудно выразить словами: истома во всем теле, блаженство, какое я порой испытываю во сне.

– А пробуждаясь после таких счастливых снов, что вы чувствуете?

– Я вся разбитая.

– И у вас никогда не возникало подобных ощущений наяву?

– Только сейчас, когда вы меня поцеловали.

– Неужели я первый мужчина, который вас целует?

– Так, как вы, да. Отец часто целовал меня, но это было совсем по-другому.

– В таком случае, вы девственница?

– Девственница? Что это означает?

В ее интонации не было ни тени притворства.

Я преисполнился жалости или, скорее, почтения к невинной девочке, столь безоглядно доверившейся мне. Было бы преступно похищать украдкой, точно вору, бесценное сокровище природы, которым она, сама того не ведая, владела, и которое, единожды отданное, утрачиваешь навсегда.

– А теперь, дитя мое, давайте спокойно все обсудим, – сказал я и выпустил ее из своих рук.

– Ведь вы не отошлете меня обратно?

– Не волнуйся, я так рад, что обрел тебя.

И, собравшись с мыслями, я продолжил:

– Послушай, поступим вот как – зайдем за твоей одеждой.

– Очень хорошо. И куда я отправлюсь?

– Отныне это уже моя забота. А сейчас поднимемся вдвоем в твою комнату.

– А как же господин Берюше?

– Скорее всего, его там нет. Уже отзвонило три часа ночи.

– А что мы будем делать у меня в комнате?

– Возьмем твои вещи.

– А потом?

– У меня в городе есть еще одна квартира; я отвезу тебя туда с вещами, и там ты под мою диктовку напишешь письмо господину Берюше. Согласна?

– Ах, да, я сделаю все, чего ты захочешь!

Восхитительная доверчивость юности и целомудрия! Стоило только попросить – и прелестная девочка тотчас исполнила бы любое мое желание.

Мы поднялись в комнату, лишенную засова, собрали скромные пожитки Виолетты: их оказалось так немного, что они легко уместились в одной дорожной сумке. Она оделась, и мы спустились к воротам. Не найдя фиакра, мы, рука об руку, весело и непринужденно, как два школьника, зашагали на улицу Нев-Сент-Огюстен – месторасположение очаровательной квартирки, куда я хаживал в те дни, или, вернее, в те ночи, когда предавался распутству.

Час спустя я вернулся домой, так и не продвинув ни на шаг свой роман с Виолеттой.

ГЛАВА II

Моя наемная квартира на улице Нев-Сент-Огюстен представляла собой не просто меблированную комнату в гостинице, отнюдь нет – обстановка была подобрана мною лично согласно ее назначению, и изяществом своим способна была удовлетворить запросы самой взыскательной возлюбленной.

Стены и потолок были обиты алым бархатом; портьеры на окнах, полог кровати и обивка кровати были из бархата того же тона, оттененные витыми шнурами и лентами из атласа тускло-золотого цвета.

У изголовья постели находилось зеркало; точно напротив, между двумя окнами, – другое: так достигалось многократное повторение того, что в них отражалось.

Подобное же зеркало, установленное на камине, было украшено в стиле Прадье – великолепного скульптора, который умел придать чувственность даже статуе самой добродетели.

Задрапированная алым бархатом дверь вела в туалетную комнату.

Освещенная сверху и обитая кретоном, она отапливалась камином из спальни и была снабжена прелестными английскими умывальными чашами, главным украшением которых служила прозрачная поверхность воды.

Ванна была скрыта в канаве; рядом лежала огромная черная медвежья шкура, и ступавшие на нее маленькие ножки казались еще белее.

На той же лестничной площадке находилась комната хорошенькой горничной, в чьи обязанности входило прибираться в квартире, а также заботиться о появляющихся там дамах.

Горничной через дверь давалось указание готовить ванну в туалетной комнате так, чтобы не будить особу, находящуюся в спальне.

Мы вошли в темноте, и я включил только ночник из розового богемского стекла. Я отвернулся, чтобы девочка могла улечься без стеснения, хотя в простодушии своем она несомненно проделала бы это и передо мной. Наконец я поцеловал ее в глаза, пожелал спокойной ночи и вернулся к себе.

Несмотря на недавние переживания, Виолетта безмятежно, как кошечка, раскинулась на кровати и, зевнув, пожелала мне доброй ночи; уверен, что на новом месте она без труда уснула еще до того, как я спустился по лестнице.

Со мной все обстояло иначе. Меня мучила бессонница: вспоминались грудь, задетая моей рукой, рот, прижавшийся к моим губам, приоткрытая сорочка, сквозь которую так далеко проник мой пытливый взор, и невольный трепет пробегал по моему телу.

Уверен, читатель-мужчина догадается, отчего я остановился в начале пути, и не требует разъяснений.

Читательницы же, более любопытные, но менее сведущие в некоторых статьях нашего кодекса, безусловно заинтересуются, почему я не продвинулся дальше.

Спешу оговориться: причина вовсе не в отсутствии влечения. Просто, Виолетте, если помните, едва исполнилось пятнадцать лет, она была так наивна, что представлялось истинным преступлением лишить ее целомудрия, не объяснив ей, что она отдает. К тому же – да позволят мне заметить о себе самом – я из тех натур, которым нравится смаковать все тонкости любви и все изыски сладострастия. Невинность – цветок особенный, его следует как можно дольше выдерживать на стебельке, обрывая лепесток за лепестком.

Бутону розы порой нужна целая неделя, прежде чем он распустится. Что же касается меня, то я предпочитаю утех, не отягощенные угрызениями совести, и мне не хотелось омрачать старость отцу-ветерану, живущему в стенах славного города, который так бесстрашно противостоял врагу в 1792 году.

Похоже, этот славный малый не делал попыток повеситься из-за бесчестья, приключившегося со старшей дочерью, но кто знает – может, к младшей он испытывал чувства более нежные, уповая на ее замужество; я не желал расстраивать его планы. Кроме того, я не раз замечал: если не торопить события – дела устроятся сами к взаимному удовлетворению сторон.

Подобные мысли не давали мне покоя до рассвета. Разбитый от усталости, я уснул на часок-другой и проснулся в восемь.

Спешно поднявшись – ведь Виолетта привыкла рано вставать на службе у г-на Берюше, – я предупредил прислугу, что, по-видимому, не вернусь к обеду, вскочил на извозчика и пять минут спустя прибыл на улицу Нев-Сент-Огюстен.

Вприпрыжку взбежал по лестнице, сердце колотилось, как во времена моей первой влюбленности.

На площадке я столкнулся с коридорными, готовившими ванну. Вставив ключ в замок, я старался не шуметь. Дверь отворилась, и я обнаружил, что все осталось на своих местах. Виолетта спала в той же позе, лишь отбросив простыни и покрывало (видимо, ей стало жарко), рубашка ее распахнулась.

Трудно представить зрелище более прекрасное, чем эта обнаженная грудь и чуть откиннутая назад, утопающая в потоке волос голова, казалось сошедшая с полотен великого Джорджоне.

Грудь была удивительной белизны и округлости; она могла бы заполнить знаменитое углубление в пепле Помпеев, запечатлевшее грудь рабыни Диомеда.

Бутончик ее был ярко-красного, почти клубничного цвета, что совсем не свойственно брюнеткам. Я наклонился и бережно коснулся его губами. По коже пробежала дрожь, сосок затвердел. Откинь я сейчас простыни – Виолетта бы не проснулась.

Лучше подожду, пока сама откроет глаза.

Неудивительно, что она еще спала: в комнату не проникало ни одного луча света, и, проснувшись, она решила бы, что еще два часа ночи.

Присев рядом, я взял ее за руку.

При свете ночника я стал ее разглядывать. Кисть у Виолетты была маленькая, изящная, точно у испанки, с розовыми удлинненными ноготками, лишь на указательном пальце ноготь был испорчен из-за работы в швейной мастерской.

И тут веки девочки разомкнулись и она открыла глаза – то ли просто настал миг пробуждения, то ли ей передалось тепло моей руки.

– О! Вы здесь, как я рада! – воскликнула она. – Не будь вас рядом, я подумала бы, что это продолжение сна. Вы не покидали меня?

– Я оставил вас на несколько долгих часов и вернулся, надеясь стать первым, кого вы увидите, открыв глаза.

– И давно вы здесь?

– Уже полчаса.

– Надо было разбудить меня.

– Я боялся нарушить ваш сон.

– Вы даже не поцеловали меня.

– Отчего же, ваша грудь обнажилась, и я запечатлел поцелуй на ее бутончике.

– На котором из двух?

– Вот на этом, левом.

Она раскрылась и с очаровательным простодушием попыталась достать его кончиками собственных губ.

– О, как досадно, самой мне не удастся!

– Зачем вам целовать его?

– Чтобы мои губы оказались там, где побывали ваши.

Она попыталась проделать это еще раз.

– Не получается. Ну что ж, – она придвинула свою грудь к моему рту, – только что вы старались для себя, а теперь потрудитесь ради меня.

– Ложитесь снова, – велел я.

Она подчинилась, я склонился над ней, захватил кончик груди губами и стал ласкать его языком, подобно тому, как я проделал это вчера с ее зубками.

Она вскрикнула от удовольствия.

– О, как это прекрасно!

– Не хуже вчерашнего поцелуя?

– О, это было так давно, я уже о нем и не помню.

– Начнем сначала?

– Вы прекрасно понимаете, что я хочу этого, ведь вы сами сказали, что так поступают с теми, кого любят.

– Но я еще не уверен, что влюблен в вас.

– Зато я не сомневаюсь в своей любви; если вам не хочется – не целуйтесь, но сама я поцелую вас.

И, как накануне, она припала губами к моему рту, только на этот раз ее язычок скользил по моим зубам.

Я хотел было отстраниться, но не смог – так сильно она стиснула меня. Наше дыхание смешалось. Наконец она запрокинула голову и, закатив глаза, пробормотала, тая от восторга:

– Как я тебя люблю!

Этот поцелуй буквально свел меня с ума: я обвил ее руками, вырвал из постели и прижал к своему сердцу, словно увлекая на край света, губы мои скользили по ее груди, покрывая поцелуями.

– О, что ты со мной делаешь, я просто умираю!

Эти ее слова обуздали мои чувства и вернули мне способность рассуждать. Нельзя было овладевать ею так, застигнув врасплох и тем самым лишив себя истинного блаженства.

– Милое дитя, я распорядился приготовить ванну в туалетной комнате, – сказал я Виолетте и отнес ее туда на руках.

– Ах, как хорошо в твоих объятиях! – вздохнула она.

Я пощупал воду – она оказалась достаточно разогретой. Опустив Виолетту в ванну прямо в сорочке, я выплеснул туда полфлакона одеколona, чтобы вода помутнела.

– Здесь есть мыло всех сортов и губки любых размеров; бери, растирайся, а я пока затоплю камин, чтобы ты не замерзла, когда выйдешь.

Я разжег огонь и разложил перед камином черную медвежью шкуру.

Коридорные, приносившие ванну, обычно разогревали мое белье у себя в натопленной комнате и приносили его в ящике из красного дерева, где оно долго сохраняло тепло. Я положил ящик на стул возле ванной и достал оттуда пеньюар из батиста и несколько хлопчатобумажных полотенец, после чего повесил на кресло халат из белого кашемира, поставив внизу две турецкие домашние туфельки из красного бархата с золотым шитьем.

Через четверть часа моя маленькая продрогшая купальщица выпорхнула из туалетной комнаты и мелкими шажками с очаровательным «брр...» подошла поближе к огню.

– О, как красиво и как тепло! – воскликнула она и села на корточки перед камином, пристроившись у моих ног.

Она была задрапирована, словно Полимния. Пеньюар живописно облегал влажное тело. Сквозь тонкий батист просвечивала кожа.

Девочка с любопытством огляделась вокруг:

– Боже мой, как здесь мило. Неужели я здесь останусь жить?

– Пожалуйста, если тебе угодно. Но только для этого необходимо разрешение одного человека.

– Кого же?

– Твоего отца.

– Отца! Да он будет счастлив, когда узнает, что у меня появилась прекрасная комната и свободное время, чтобы учиться.

– Чему ты желаешь учиться?

– Ах, и вправду нужно сказать вам об этом.

– Расскажи мне, дитя мое, надо мне все рассказать, – наклонился я к ней, она приподнялась, и наши губы соприкоснулись.

– Помните, однажды вы дали мне билет на спектакль?

– Что-то не припоминаю...

– В театр Порт-Сен-Мартен, на «Антони» господина Александр а Дюма...

– Безнравственная пьеса, девочкам не следует ходить на такие представления!

– Я так не считаю. Спектакль настолько взволновал меня, что с этого дня я заявила сестре и господину Эрнесту о своем желании стать актрисой.

– Вот оно что!

– Господин Эрнест с сестрой переглянулись, и она сказала: «Право же, если у нее обнаружатся хоть малейшие способности, пусть лучше будет актрисой, чем останется белошвейкой!»

А господин Эрнест добавил: «Если она действительно способная, я мог бы ее продвигать через свою „Театральную газету“.

– Все это просто восхитительно! – вырвалось у меня.

– Госпожа Берюше была предупреждена, что я останусь ночевать у сестры и вернусь на следующее утро. После спектакля мы пришли на улицу Шапталъ; там я принялась декламировать, показывая основные запомнившиеся мне сцены и разводить руками, вот так.

Виолетта широко взмахнула руками – батистовый пеньюар раскрылся, и она невольно продемонстрировала мне истинные сокровища любви.

Я обнял ее, усадил себе на колени; она там свернулась клубочком, точно в гнездышке.

– Что же было дальше? – спросил я.

– Так вот, господин Эрнест сказал: «Если она твердо решила, то понадобится два-три года подготовки, прежде чем она сможет дебютировать, и надо бы написать отцу».

«А на что она будет жить эти два-три года?» – спросила Маргарита.

«Все будет хорошо, – успокоил ее господин Эрнест, – она хорошенькая. А красивой девушке нечего тревожиться за свое будущее – она никогда не пропадет. От пятнадцати до восемнадцати лет она наверняка найдет какого-нибудь покровителя, тем более что потребности у твоей сестренки, как у птички. Ей бы только крупинку проса да гнездышко».

Я повел плечами, глядя на маленькое беззащитное создание, лежавшее в моих объятиях, словно в колыбели.

– На следующий день мы написали папе, – продолжила она.

– И что ответил папа?

– Его ответ был таков: «Вы обе бедные сиротки, брошенные в этот жестокий мир, и единственная ваша опора – шестидесятисемилетний старик, но и меня вы можете лишиться в любую минуту. Умру я – и вы останетесь без всякой поддержки. Так что храни вас Бог! Действуйте, как сочтете нужным, лишь бы старому солдату не пришлось краснеть за своих дочерей».

– У тебя сохранилось это письмо?

– Да.

– Где оно?

– В кармане одного из моих платьев. И тут я подумала о вас. Я рассудила так: раз вы дали мне билеты в театр, значит, водите знакомство с теми, кто ставит спектакли. Мне давно хотелось обратиться к вам, а я не осмеливалась, все откладывала на завтра... Но поведение господина Берюше придало мне решительности. Видно, так было угодно самому Провидению.

– Да, дитя мое, теперь я действительно начинаю в это верить.

– Значит, вы сделаете все, что сможете, чтобы я выступала на сцене?

– Я сделаю все, что смогу.

– Ах, какой вы милый!

И Виолетта, ничуть не смущаясь тем, что у нее раскрылся пеньюар, бросилась мне на шею.

На этот раз, признаюсь, я был ослеплен; рука моя заскользила вдоль ее спины, изогнувшейся от одного этого касания, и остановилась, лишь достигнув цели, – пределом совершенного путешествия явился пушок, нежный и гладкий, точно шелк.

При первом же соприкосновении с моей рукой все тело девочки напряглось, голова с ниспадающим каскадом черных как смоль волос запрокинулась, меж приоткрывшихся губ заблестели белоснежные зубы и стал виден трепещущий язычок; взор подернулся сладкой истомой. А ведь я едва притрагивался к ней пальцами...

Обезумевший от желанья, от ее счастливых вскрикиваний и моих ответных радостных возгласов, я отнес ее на кровать, встал перед ней на колени, рука моя уступила место моему рту, и я вкусил крайнюю степень наслаждения, доступную губам любовника при его близости с пылающей от страсти девственницей.

С этой минуты с ее стороны доносились лишь невнятные постанывания, завершившиеся долгими спазмами, из тех, что переворачивают всю душу.

Преклоненный, я наблюдал, как она приходит в себя.

Открыв глаза, она с усилием привстала, бормоча:

– Ах, Боже мой! Как хорошо! Нельзя ли это повторить?

Внезапно она села, пристально глядя на меня, и спросила:

– Знаешь, о чем я подумала?

– О чем же?

– Уж не сделала ли я что-нибудь дурное?

Я присел рядом с ней на кровать:

– С тобой когда-нибудь вели серьезные разговоры?

– Да, когда я была маленькая, отец порой ругал меня.

– Речь идет о другом. Я спрашиваю, понимаешь ли ты, когда с тобой говорят о серьезных вопросах?

– Не знаю как с посторонними, но с тобой я постараюсь вникнуть во все, что ты скажешь.

– Тебе не холодно?

– Нет.

– Тогда слушай меня внимательно.

Она обхватила меня за шею, не отрываясь глядя мне в глаза и явно открывая моим словам все доступы к своему сознанию.

– Говори, я тебя слушаю.

– При сотворении мира, – начал я, – женщина от рождения была наделена Создателем равными с мужчиной правами, а именно правом следовать своим естественным склонностям.

Мужчина прежде всего решил строить семью, он завел жену и детей; семьи стали объединяться в родовые общины; пять-шесть родовых общин, собранных воедино, образовали

общество. Этому обществу потребовались установленные законы. Окажись женщины более стойкими, мир и по сей день подчинялся бы их прихотям, однако мужчины превзошли их по силе, сделавшись повелителями, женщинам же пришлось довольствоваться ролью рабынь. Один из основополагающих законов, предписанных девушкам, – целомудрие; одно из непреложных правил для женщин – сохранение верности.

Навязав женщинам подобные законы, мужчины оставили за собой право удовлетворять собственные страсти и не задумывались о том, что, давая волю своим страстям, они тем самым побуждают женщин не исполнять обязанности, которые сами же им вменили.

Потеряв честь, женщина одаривает мужчину счастьем; он же в ответ клеймит ее позором.

– Ужасная несправедливость! – возмутилась Виолетта.

– Действительно, дитя мое, величайшая несправедливость. И находятся женщины, встающие против нее и рассуждающие следующим образом: «Общество принуждает меня к рабству, а что оно предлагает взамен? Брак с человеком, которого я, возможно, никогда не полюблю, который овладеет мною в восемнадцать лет, отнимет у меня все и сделает меня на всю жизнь несчастной? Предпочитаю выйти за общепринятые рамки, свободно следовать своим фантазиям и любить того, кто мне понравится. Буду женщиной естественной, а не общественной». С точки зрения общества, то, что мы с тобой совершили, – предосудительно; с точки зрения природы, мы просто утолили свои желания. Теперь тебе понятно?

– Вполне.

– В таком случае поразмышляй в течение дня, а вечером дай мне ответ, предпочитаешь ли ты как женщина подчиняться законам природы или законам общества.

Я звонком вызвал горничную. Виолетта к тому времени уже лежала в кровати, завернувшись в простыни так, что виднелось только ее личико.

– Госпожа Леони, – распорядился я, – позаботьтесь о мадемуазель самым лучшим образом: обеспечьте ей обеды от Шеве, сласти от Жюльена, в шкафу лежат бутылки бордо, а в том маленьком комоде стиля Буль – триста франков. Кстати, не забудьте пригласить портниху, снять мерку с мадемуазель и заказать два платья – простых, но сшитых со вкусом. Дайте необходимые указания белошвейке и подберите к платьям подходящие шляпки.

Я обнял Виолетту:

– До вечера.

Когда я вернулся к девяти часам, она подбежала и бросилась мне на шею:

– Я размышляла над ответом.

– Целый день?

– Нет, всего пять минут.

– И что же?

– Так вот, я предпочитаю стать женщиной естественной.

– Ты не желаешь возвращаться в дом господина Берюше?

– Нет, ни за что!

– Хочешь ли ты пойти к сестре?

Тут она замялась.

– Тебе почему-то неловко идти к сестре?

– Боюсь, мое возвращение не понравилось бы господину Эрнесту.

– Что собой представляет господин Эрнест?

– Это молодой человек, который встречается с моей сестрой.

– Кто он по профессии?

– Журналист.

– Отчего ты предполагаешь, что твое появление у сестры вызовет его неудовольствие?

– Когда госпожа Берюше посылала меня за покупками, я всякий раз старалась забежать к любимой сестре. Иногда я заставала у нее господина Эрнеста. Видя меня, он хмурился, уводил Маргариту в другую комнату и запирался там. Как-то хозяйка велела мне дожидаться ответа, связанного с одним поручением, и я задержалась у сестры дольше обычного, так от этого у них обоих явно испортилось настроение.

– Ну что ж, в таком случае, довольно пустых разговоров, ты будешь женщиной, подчиняющейся законам природы.

ГЛАВА III

Милая девочка, она была воистину прекрасна в своей естественности.

Весь день она провела за чтением – благо моя библиотека содержала собрание ценных книг.

– Ты не скучала? – спросил я Виолетту.

– По тебе – да, а вообще мне не было скучно.

– Что ты читала?

– «Валентину».

– Неудивительно, да будет тебе известно – это просто шедевр!

– Я это не знала, но вот плакала много.

Я вызвал звонком г-жу Леони.

– Приготовьте нам чай, – велел я.

Потом обратился к Виолетте:

– Ты любишь чай?

– Трудно сказать, я никогда его не пробовала.

Леони накрыла на стол; постелила турецкую скатерть, поставила две изящные фарфоровые чашки и японскую сахарницу. Сливки были поданы в кувшинчике из того же металла, что и чайник. Чай горничная заварила нам в чайнике, а кипяток принесла в серебряном самоваре.

– Тебе еще нужна Леони? – спросил я Виолетту.

– Для чего?

– Чтобы помочь тебе раздеться.

– А зачем? – сказала Виолетта, развязывая свой витой пояс. – На мне только халат и рубашка.

– Отошлем ее?

– Конечно!

– Теперь никто нас больше не побеспокоит.

И, едва горничная вышла, я закрыл дверь на ключ.

– Значит, ты остаешься со мной?

– Если позволишь.

– На всю ночь?

– На всю ночь.

– Ах, какое счастье! И мы уляжемся вместе, как две подружки?

– Именно так. Тебе приходилось спать с подружками?

– В пансионе, когда я была совсем маленькая; с тех пор я только два раза ночевала у сестры.

– И что ты делала, лежа с сестрой?

– Желала ей спокойной ночи, обнимала ее, и мы засыпали.

– И больше ничего?

– Ничего.

– И если мы с тобой ляжем вместе, ты полагаешь, этим все ограничится?

– Не знаю почему, но мне кажется, нет.

– Чем же, по-твоему, мы будем заниматься?

Она пожала плечами.

– Наверное, тем, что ты со мной делал сегодня утром, – и она бросилась мне на шею.

Я обнял ее и усадил себе на колени; затем налил чашку чая, добавил туда несколько капель сливок, положил сахар и предложил ей выпить.

– Тебе так нравится?

Она кивнула, но без особого энтузиазма.

– Вкусно, но...

– Но что?

– Мне больше по вкусу парное молоко, пенистое, только что надоенное.

Меня ничуть не удивляло ее равнодушие к чаю, я давно заметил – этому китайскому напитку присуща некая аристократическая пикантность, чуждая плебейскому нёбу.

– Завтра утром будет тебе парное молоко.

Возникла небольшая пауза; я взглянул на Виолетту, она загадочно улыбнулась.

– Знаешь, чего мне не хватает?

– Нет.

– Знаний.

– Знаний! Зачем они тебе, мой Боже!

– Хочу понять то, что мне непонятно.

– Что же ты желаешь понять?

– Кучу вещей, к примеру – ты спрашивал, девственница ли я?

– Да.

– Ну вот, я ответила, что не знаю, а ты рассмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.